

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Либединский

ЖИВЫЕ СОКИ

(о романе Ивана Егорова «Третий эшелон»)

Чем дальше в прошлое уходит грандиозная эпопея Великой Отечественной войны, тем отчетливее становится видно то всемирно-историческое дело, которое в эти незабываемые годы совершил наш народ под водительством партии большевиков и великого Сталина. Потому так закономерно появление все новых и новых произведений, посвященных Великой Отечественной войне. К числу таких книг принадлежит роман И. Егорова «Третий эшелон». Самое название романа говорит о том, что в этом произведении дана роль советского тыла, его значение для победы над немецкими захватчиками. Советский тыл в этой книге показан во всей совокупности своих сложных проблем. Здесь изображается самоотверженная работа колхозов в помощь армии, эвакуация народного хозяйства внутрь страны, формирование партизанских отрядов, рыбаки Каспия, которые, не считаясь с опасностью, обстреливаемые с воздуха немецкими налетчиками, добывают в неимоверно трудных условиях - рыбу для фронта. С неприкрытой правдой показаны в книге бедствия советских граждан, согнанных с родной земли фашистскими захватчиками.

Действие романа происходит на Северном Кавказе и в центре внимания читателя почти все время находится группа колхозников из богатого пригородного колхоза «Партизан», а также командированных в этот колхоз городских жителей и советских людей, эвакуированных на Северный Кавказ из Ленинграда и с Украины. Сквозь весь роман, от его первой и до последней страницы, проходит главный герой романа — председатель колхоза Лобачев. Это один из тех людей, которые переустраивали нашу деревню на колхозный лад. За годы коллективизации Лобачев показал себя отличным хозяином. Во время гражданской войны Лобачев рядом с знаменитым Апанасенко сражался в партизанском отряде. Свято храня в своей душе память о гражданской войне, Лобачев и дал наименование колхозу «Партизан». Вместе с началом Отечественной войны боевые партизанские традиции настолько сильно зашевелились в душе Лобачева, что он и сам не прочь был бы уйти в армию. Ему все время приходится бороться с собой и убеждать себя в том, что работа в тылу, «в третьем эшелоне», да еще когда фронт все время приближается, имеет для исхода войны большое значение. И Лобачев до последнего момента остается на своем посту, подготавливает колхозное имущество для возможной эвакуации и все силы отдает для поставки зерна государству,

Но вот немцы вторглись на Северный Кавказ и Лобачев получает возможность на поле битвы перевестись с ненавистным врагом. Исполняя приказание райкома, Лобачев уходит в партизанский отряд, которому присваивается имя Апанасенко. Это имя славного партизанского вожака времен гражданской войны и одного из доблестных генералов войны Отечественной рефреном проходит по всему роману, придает ему романтический тон,— перед самым концом романа, уже после изгнания немцев с Северного Кавказа, Лобачев и его товарищ узнают о смерти Апанасенко и едут на похороны доблестного полководца.

События, показанные в романе, приобретают особенно драматический характер, когда автор показывает эвакуацию колхоза, а также действия партизанского отряда. Здесь выступает одно из самых серьезных достоинств романа — он дает реальное представление об особенностях Северо-Кавказского фронта и роли партизанского движения на Северном Кавказе. «Ведь это же факт, что немцы сторонятся степей, хотя и считают их своими «тылами». А партизаны по этим «тылам» прогнали свыше ста тысяч голов скота туда, в далекие тылы Красной Армии, и перегон продолжается из ночи в ночь. Белорусские, украинские партизаны называют землю за линией фронта «Большой землей». Здесь это название не подходит, потому что земли, контролируемые степными

отрядами, тоже большие земли и они сливаются с землями, лежащими за Терекком. Такими словами автор обрисовывает особенности Северо-Кавказского фронта. И показывая, как партизаны в этих своеобразных условиях, действуя в тылу у немцев, направляли к востоку блуждающие по степям стада и спасали их от немцев, автор говорит: «Они как бы протирали глаза перепуганным чабанам и гуртоправам, — иди куда указано, степь не под немцами, степь наша». Протирали, глаза! Как точно, ярко и образно выражено.

Та часть романа, в которой показывается, как Лобачев, вернувшись после изгнания немцев с Кавказа, приступает к своей работе и на деле восстановления колхоза сплачивает весь его коллектив, является едва ли не самой сильной во всем романе и вплотную подводит читателя к основной теме романа. Эта тема выражена автором в распространенной метафоре, в которой автор уподобляет жизнеспособность колхозного строя жизнеспособности виноградной лозы.

«Корни крепких кустов, как только солнце пригрело землю, погнали соки. Значит, живы. Двигутся соки с силой, которая убивает того, кто захотел бы остановить рост. Были такие, пробовали остановить рост, заковать в железо жизненные силы, уходящие корнями в глубокие земные пласты. Были, заковывали и — погибли разметанные, сокрушенные. А корни гонят из глубин земли живые соки, поднимается лоза, изукрается резными листьями, но гроздей в этом году не даст, нет не даст. Не все вдруг, не все сразу. Ныне год юности, лозы, год хрупкой нежнейшей красоты, а потом уж завяжется и окрепнет тугая плодовая почка.

И вся жизнь на земле, пережившей насилие, еще хрупка, может быть, очень хрупка, еще только прорисовываются привычные для глаза строгие и прекрасные формы, местами еще не распознать их в дни ранней весны. Но корни гонят, гонят живые соки».

Метафора эта прекрасно передает основную тему романа, показывая те могучие силы, которые таятся в Советском строе. Здесь Лобачев и его друзья, такие как его спутник и сверстник в партизанских боях парторг Конягин; здесь и старая колхозница Дарья Никитична Литвинова. Многочисленная колхозная молодежь, с честью прошедшая Отечественную войну, творит чудеса героического труда, который показан автором с глубоким знанием колхозного производства и с великолепным пафосом. Это все и есть живые соки советского строя. Характеры выступают здесь выпукло, во всей их жизненной силе, с их страстями, с трагическими и комедийными коллизиями. Те драматические конфликты, которые незаметно завязывались в первой части, получили в третьей части полное разрешение.

Уже в первой части — среди людей самоотверженно отдающихся патриотической деятельности, читатель мог различить отдельные фигуры чуждых советскому обществу людей, иногда будущих врагов. Но на первом этапе враги эти еще маскируются, и советские люди хотя и замечают отдельные проявления чуждой психологии, но еще не в состоянии отдать себе отчет в том, что они имеют дело с врагами и изменниками. Именно такая коллизия, лежит в основе трагедии, пережитой молодой трактористкой Раей. Она любит сверстника своего Мякинкина, находящегося в рядах действующей армии. А Мякинкин, как только немцы вторглись на Северный Кавказ, дезертирует из армии, возвращается на родину и поступает к ним на службу в качестве полицая, причем усердствует в этой гнусной должности. Рая ничего обо всем этом не знает, она уверена, что избранник ее сердца честно борется с врагом. Тому, что Мякинкин происходит из кулацкой семьи, она не придает никакого значения. Рая участвует в тяжелой эвакуации тракторного парка на восток; самоотверженно, по-стахановски работает она во время эвакуации и как только Северный Кавказ был очищен, она, преодолевая множество трудностей, возвращается на своем сильно изношенном тракторе в свой колхоз. По возвращении она узнает, всю правду о своем возлюбленном. Тяжело приходится Рае, но она не сломилась, пройдя через это страшное горе, она взрослеет и закаляется.

Почти с каждым героем романа происходит что-либо подобное. Это все разные

люди и судьбы их очень разнообразны. Все они по-разному переживают войну, но в сумме сплетение их судеб, с большим искусством переданное автором, показывает рост всего советского народа, живые соки советского строя. И на фоне этого роста особенно выразительно прочерчены, автором судьбы врагов, из которых стоит остановиться на фигуре некоего эвакуированного из Кишинева — бывшего буржуазного адвоката Анчоуса.

Первоначально человек этот производит впечатление довольно, безобидного болтуна, несоветская сущность которого проявляется только в том, что он в первый период войны возлагает преувеличенные, надежды на открытие нашими западными Союзниками второго фронта. Конечно, открытие второго фронта в то время сильно приблизило бы победоносный исход войны в разгром немецкого фашизма и избавило бы нас от излишней потери крови, — так понимал это дело советский народ. Но в политических высказываниях Анчоуса был уже в начале войны тот элемент преклонения перед силами капиталистического запада и то упование на эти силы, которое подметили колхозники, не без ехидства прозвав Анчоуса «союзником».

Но на протяжении всего романа автор накладывает штрих за штрихом на этот вначале довольно безобидно намеченный образ, все время обогащая и уточняя его. Оказывается, Анчоус вместе с лесником Горбушиным, будущим немецким пособником скупал за бесценок в первые месяцы войны, обессиленный за время эвакуации скот, чтобы поставить его «на отгул», а потом продать с большим барышом. Однако Горбушин, когда пришли немцы, присваивает долю своего компаньона, становится старостой, злейшим немецким сообщником. Анчоус, хотя и бежит прочь от немцев, но в какой бы крайней степени паники он не находился, ум его всегда занят спекуляциями. Его походная сумка набита ценными бумагами и акциями румынских акционерных обществ, давно уже обанкротившихся и не существующих. В степи, во время эвакуации, Анчоус, почти погибающий от голода, встречается с дедом Данилой Рокотянским, молчаливым, тихим старичком, который, уходя от немцев, гонит свою корову и еще одну корову с теленком, которая, принадлежит одной из эвакуированных женщин. При этом дед Данила все время собирает беспризорный скот, которого столько бродило по степи в то время. Зачем он это делает? А делает он это из чувств, прямо противоположных чувствам Анчоуса, и эти чувства прекрасно показаны в романе, когда пригнав свое непомерно увеличившееся стадо в безопасные места, дед, сдавая это стадо государству, не может объяснить представителям советской власти, какой организации принадлежит стадо им пригнанное. И только на вопрос — не частное ли оно — дед категорически отвечает:

«Ни, ни частное. Як же воно частное? Оно государственное, но як бы вам сказать — народное...»

И в этих скупых словах выражается величие того внутреннего стимула, который двигал дедом Данилой при свершении им этого скромного подвига, и который движет миллионам таких незаметных советских людей, как дед Данила. Эти люди в своей деятельности руководствуются интересами советского народа и государства, это и есть те живые соки, благодаря которым непобедим советский строй.

И вот два таких полярно противоположных человека — несущий за плечами мешок, набитый акциями и ценными бумагами, закоренелый представитель хищнического частного интереса буржуа Анчоус и дед Данила Рокотянский, который безкорыстно спасает скот, потому что это народное, государственное достояние и душой которого безраздельно владеет сознание общенародного социалистического интереса, по случайности войны оказались на время связанными. Они идут по степи, причем для Анчоуса этот спасенный дедом Данилой скот тут же становится предметом спекуляции, — смотрите хотя бы — с какой хищнической ловкостью Анчоус извлек для себя пользу из безкорыстного поступка деда Данилы, отдавшего корову для упряжки под подводу, на которой увозят аптеку.

Страницы, посвященные отношениям этих, во всем прямо противоположных друг

другу людей, разговоры, в которых выражается полное взаимное непонимание, их глубокая принципиальная враждебность. Самими ими не всегда в полной мере сознаваемая, но резко бросающаяся в глаза читателю, все это делает эти страницы, пожалуй, самыми яркими во всем романе. Это тот живой свет, который освещает весь роман и особенно выделяет идейный стержень его — торжество в войне нашего социалистического советского порядка, высокую моральную высоту советского народа, его превосходство над тем растленным миром капитализма, представителем которого является Анчоус, подлинный космополит — бродяга, без рода, без племени, который даже толком не может объяснить к какой он нации принадлежит и который в советской стране пытается жить на основе волчьих, законов капитализма. Анчоус тоже «мечтает о победе». Он мечтает о том, что Красная Армия возьмет Бухарест, что он вернется туда. Он незря таскает старые акции: вернувшись в Румынию, он предъявит эти акции и станет богатым человеком. «Сначала поврежденные, нефтяные промысла будут восстанавливать, восстановят быстро и начнут брать барыши, Если бы грозненские и майкопские промысла восстанавливать таким же способом, дело пошло бы очень быстро... Страна обеднела за время войны и в силу этого она, может быть, позовет на помощь представителей частной инициативы, а затем и своих союзников по совместной борьбе с гитлеризмом. Тогда Анчоус имел бы интересы в Бухаресте и в Кишиневе, а может быть, в Майкопе или в Грозном». Таким образом мы видим, что мечты Анчоуса простираются довольно далеко. Он мечтает о том, чтобы на шею советского народа накинуть петлю нефтяных монополий и извлекать из этого прибыль. Можно себе вообразить, какой бы неистовый крик поднял бы этот «союзник», если бы он дождался до передачи нефтяных разработок Румынии в собственность румынского народа, и воочию увидел как утвердилось в Румынии народная демократия. Очень огорчился бы тогда Анчоус. Но в конце романа он вполне закономерно погибает, убитый своим компаньоном Горбушиным, который, совершая это убийство, осуществил тот самый волчий закон капитализма, который ему старательно разъяснял сам Анчоус. А дед Данила, совершив свой незаметный подвиг, спасши множество беспризорного скота и передав его государству, сначала работает на Каспии — на рыбных промыслах, потом возвращается в колхоз «Партизан» и с энтузиазмом принимает участие в его восстановлении. А ведь дед Данила Рокотянский происходит отнюдь не и из этого колхоза, он происходит из Запорожья. Он твердо уверен, что и Запорожье освободят, и он туда вернется, а пока где бы он ни был — он не покладая рук трудится на пользу людям, на пользу советскому государству. Еще Запорожье не освободили, а он уже двинулся на родину. «Возьмут, пока дойду, возьмут», - отвечает он, когда ему говорят, что Запорожье еще не взято.

И хотя по количеству страниц дед Данила Рокотянский не занимает первенствующего места в романе, но именно в нем автор дал нам типичное выражение многомиллионного советского человека, который во время Великой Отечественной войны и после нее во весь рост предстал перед всем человечеством.

Удача автора была бы еще большей, если бы рядом с дедом Рокотянским, и в тесной связи с ним, был бы показан парторг колхоза Матвей Назарович Конягин. Ведь кому бы как не парторгу колхоза, идейно-политическому вожаку колхозников, разглядеть такое, сокровище, каким является дед Рокотянский. Матвей Назарович Конягин, ближайший друг и сподвижник Лобачева, — человек большой честности и нравственной силы, отмеченный той чертой скромности, которая украшает большевика — запоминается читателю как симпатичный образ. И все же этот образ не может не вызвать некоторого недоумения и недовольства. Конягин во всей своей деятельности или дублирует Лобачева, или подкрепляет его действия авторитетом партии. А разве этим, ограничивается работа парторга? Конягин очень хороший механик-самородок, и этим он приносит громадную пользу колхозу. Но прочитав роман, мы не запоминаем его как человека, который политически организует советских людей в решающее для жизни нашей Родины время. Мы не видим его, наконец, в деле разоблачения чуждых антисоветских элементов —

таких как Горбушин и Анчоус, а ведь это прямой долг его и, наконец, он не дается нам в самой своей важной функции — ведь через его посредство райком партии проводит в этом колхозе общую политику партии.

Конягин не удался автору и это существенный недостаток романа. Однако этот недостаток может быть устранен автором и это во много раз увеличит ценность интересного и талантливого произведения И. Я. Егорова.